

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
СВЯТОЧНЫХ РАССКАЗОВ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА:
КАНОН ЖАНРОВОЙ ФОРМЫ
И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ**

1. Жанровая форма святочного рассказа в России развивалась стремительно и в течение нескольких десятилетий (1840-1870-е годы) прошла путь от подражаний переводным образцам рождественской прозы Ч. Диккенса до самобытных созданий с чертами органического этико-эстетического единства. У каждого русского писателя, обращавшегося к святочным рассказам, так или иначе, возникали свои творческие приемы, позволяющие, при сохранении основы, черт канона этой жанровой формы, наполнить ее актуальным, психологически достоверным и художественно гармоничным содержанием.

Как известно, Д. Н. Мамин-Сибиряк создал немало святочных рассказов. Их исследование актуально, по меньшей мере, в связи с необходимостью: а) более полного представления об особенностях творческого пути писателя, прежде всего, уточнения его жанровых предпочтений и, следовательно, этико-эстетических идеалов; б) выяснения логики видоизменений жанровой формы под воздействием творческой индивидуальности автора и художественных результатов таких видоизменений.

2. В системе прозаических жанровых форм святочные, а также пасхальные рассказы занимают особое место. Обычно повествовательное (прозаическое, беллетристическое) произведение по времени действия связано с историей или современностью. Сюжетные события могут протекать в более или менее отдаленном прошлом или же в современный автору-повествователю период.

Совершенно иное понимание времени характерно для автора-повествователя святочных и пасхальных рассказов. Время в них не линейно, а концентрично. Своеобразие центрального события в них - Рождество Иисуса Христа или Его Воскресение - не связано с историческим, в той или иной степени, временем. Оно, это событие связано с Вечностью, с Божьим Промыслом. Тем самым святочный (как и пасхальный) рассказ всегда имеет повествовательную двуплановость, собственно, и обеспечивающую развертывание сюжетного конфликта. С одной стороны, это неотвратимость Рождества, с другой - брэнность человеческих помыслов и поступков на фоне этого грандиозного

события. Знаменательное открытие персонажами в быту черт присутствия бытия Божьего составляет важнейший нравственный эффект святочного рассказа.

В этой связи нельзя не видеть, что известные в истории русской литературы пародии на каноны святочной литературы направлены именно против повторов, шаблонных решений и не затрагивают сущности пафоса этой жанровой формы.

3. Мамин-Сибиряк писал свои святочные рассказы, в основном, в 1890-е годы, когда в нашей литературе уже появились классические образцы этой жанровой формы. И здесь, как видно, важнейшим в святочных рассказах для него была именно разработка начал психологической новеллы, отказ от сюжетной предопределенности, открытого дидактизма.

Так, в его святочных рассказах получают развитие мотивы, звучащие у Лескова ("На краю света", 1875) и Короленко ("Сон Макара", 1883): Мамин-Сибиряк, сохраняя верность уральскому краю, воспетому в его романах, теперь, в произведениях малой жанровой формы, переносит акцент из сферы социально-экономической проблематики в круг мировоззренческих, онтологических вопросов.

Аналитическое описание в традициях господствовавшего тогда "золаизма" сменяют динамичные картины с яркими деталями, неожиданными поворотами действия, подготавливающими парадоксальную мотивировку нравственного урока, венчающего повествование. При этом необходимо отметить, что, возвращаясь в эффектным сюжетосложением святочных рассказов к своим ранним беллетристическим опытам для журналов "Сын Отечества" и "Кругозор" 1870-х годов, Мамин-Сибиряк теперь трансформирует этнографический материал таким образом, что из воплощенной экзотики он становится источником фактов, подтверждающих ключевые для рождественской литературы евангельские постулаты.

Такой подход позволил Мамину-Сибиряку пойти на смелое преобразование жанровой формы - рождественские и пасхальные мотивы в некоторых его рассказах воссоединены, придавая понятию "святочный" древнеславянское значение торжественного дня в жизни, высокого праздника.

4. Сознвая литературную условность жанровой формы святочного рассказа (ср. особенности подготовки Лесковым своего сборника "Святочные рассказы", предисловие к нему и рассуждения о жанровом каноне в рассказе "Жемчужное ожерелье"), Мамин-Сибиряк не связывает себя нормативными принципами. Но он в полной мере

использует культурно-исторические факторы: традицию бытования святочных и пасхальных произведений в русском обществе второй половины XIX века. Литературно-повествовательные возможности жанровой формы выверяются особенностями ее читательского восприятия, как на ситуативном (публикация в святочные дни), так и на мировоззренческом уровне (тенденции приобретения русской литературой черт своеобразной светской теологии). В результате лучшие святочные рассказы Мамина-Сибиряка приобретают качество полноценных психологических новелл, что свидетельствует о широте творческих возможностей писателя, его умении преобразовывать этологические формы в создания с индивидуально-творческими чертами.

В. Добровольская
Москва

ОБРЯДЫ И БЫЛИЧКИ, СВЯЗАННЫЕ С РИТУАЛОМ “ПОЛОЖЕНИЯ ВО ГРОБ”

(на материалах Судогорского района Владимирской области)

Государственный республиканский центр русского фольклора с 1993 по 1997 год проводил на территории Судогорского района Владимирской области комплексные полевые исследования, итогом которых стала подготовка книги “Фольклор Судогорского края”.

Материалы по похоронной обрядности района свидетельствуют о развитой системе ритуальных действий, связанных со всеми этапами похорон. Особое внимание обращают на себя обряды обряжения покойника», собственно «положения во гроб» и опускание гроба в могилу.

Для местных жителей эти три этапа похорон неразрывно связаны между собой, что и следует из их общего названия “положение во гроб”, хотя информантам очень четко осознается поэтапное выполнением определенных ритуалов.

Подготовка к “положению во гроб” начинается с “обряжения покойника». На пол стелится солома, особым образом связанная в коврик, и на нее укладывается умерший, которого обмывают из особого горшка, называемого “криночки”. Затем солому вместе с мылом и гребнем, укладывают в горшок и выносят за пределы деревни. После того как мертвый «обмыт», его обряжают в заранее приготовленное им самим “смертное”. “Смертное” или “похоронный узел” состоит из нижнего белья, платья или костюма, обуви и крестика,